

АДМИНИСТРАЦИЯ БАЙДЕНА: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ

22 ЯНВАРЯ 2021

Избрание Дж.Байдена президентом США, как и любое крупное событие международной жизни, создает для внешней политики России как вызовы, так и вполне определенные возможности. Оно не отменяет, но вписывается в общие тенденции развития Америки и Запада, мира в целом и международных отношений. Это также касается роли и места России в глобальной политике на современном этапе, более того, в некотором роде их акцентирует, вносит дополнительную ясность в суть происходящего, расставляя точки над «i».

Первое. Американское общество оказалось по итогам выборов расколотым как никогда прежде в современной истории. У Байдена не получилось убедительной, разгромной победы, на которую рассчитывали Демпартия и либеральные элиты Америки. Он набрал на 7 млн. голосов больше, чем Трамп, но последний также нарастил свою поддержку, получив свыше 74 млн. голосов или на 11 млн. больше, чем на выборах 2016 года. Увеличилась доля голосов, полученных им среди испаноговорящих американцев (латинос). Демократы теряют 10 мест в Палате представителей, но приобрели контроль над Сенатом.

В любом случае появление Трампа в Белом доме – не aberrация, а закономерность: трампизм, как справедливо отмечают некоторые наблюдатели, окажет на страну не менее трансформирующее воздействие, чем в свое время рейганизм, но на этот раз – в сторону ухода в себя и протекционизма. Какие-то острые углы политики Трампа будут сглажены, но принципиальные тренды останутся, а именно восстановление внутренних основ американской экономической мощи, включая протекционизм и соперничество с Китаем – только в «мягкой» форме лозунга «Покупай американское!» и «конкуренции», а не тотального противостояния.

«Врачевание ран» будет непростым процессом, в том числе вследствие восприятия электоратом Трампа того, что «выборы были украдены», что трудно доказать в судах в сроки, установленные Конституцией до инаугурации нового президента. Но мутная и фрагментированная по штатам избирательная система делает возможной системную и многоуровневую фальсификацию результатов, тем более в условиях «необъявленной гражданской войны». Трансформация Америки, ставшей главной жертвой глобализации (она выявила антагонизм между интересами инвестиционных классов и всей остальной страны), только замедлится. Реванш либералов может быть «пирровой победой», когда требования разношерстного электората Демпартии (афроамериканцы и другие нацменьшинства, женщины, молодежь, ЛГБТ-сообщество, экологи, Голливуд и Силиконовая долина) не могут быть удовлетворены за счет интересов и требований коренной, белой консервативной Америки. Борьба с коронавирусом и восстановление экономики вряд ли станут некой объединительной повесткой дня новой администрации. Вопрос в том, смогут ли «мягкие» меры дать решение проблем, или понадобятся кардинальные, как, например локдаун, которые вызовут протесты. Предметом приоритетной озабоченности американцев является экономика (34% опрошенных). Выиграв выборы, Байден рискует проиграть страну.

Таким образом, нам придется иметь дело с внутренне ослабленной Америкой в состоянии застоя и попытки «перестройки», как признал сам Байден, условно с «Америкой Брежнева-Черненко» с коллективным геронтократическим правлением, чурающимся молодежи и её требований радикальных перемен. Отсюда можно

заклучить, что за возвращением Вашингтона к «либеральному» интервенционизму, скорее всего, будет мало что стоять, хотя риторики и энтузиазма исполнителей будет хоть отбавляй. Не будет преувеличением сказать, что вся послевоенная внешняя политика и её философия агрессивного утверждения «американского лидерства» в мире была и остается специфическим предметом потребления элит США и не отражает подлинных национальных интересов страны. Другой момент – Америка выходит из периода «войн по выбору» за рубежом, и, как показывает опыт, её вооруженные силы, представленные все той же разношерстной социальной средой, что и электорат Байдена, отнюдь не готовы всерьез воевать с равными по огневой мощи и технологической оснащенности противниками, такими как Россия и Китай.

Второе. Тема «российского вмешательства» уходит не только потому, что Байден взял верх, но и в силу абсурдности убеждать возросший электорат Трампа в том, что они «действуют по указке Кремля». Это приходило бы в противоречие с целью достижения «национального примирения» в США (если, конечно, новая власть не пойдет по пути «перевоспитания» своих противников). Россия также может легко пережить «ремонт» трансатлантических отношений на антироссийской основе. Мы можем спокойно перейти к остаточной повестке дня времен холодной войны, имея в виду контроль над вооружениями, что поможет Байдену проявить себя ответственным политиком (вроде как не в пример Трампу), тем более что он был к ней непосредственно причастен (визит в Москву и встреча с А.А.Громыко в 1979 году в разгар разрядки и ратификационного процесса СНВ-1 в Сенате). Речь может идти о продлении СНВ-3 без предварительных

условий, как мы и предлагаем, с договоренностью продолжить двусторонний контроль над вооружениями, то есть отложив запросное требование о подключении к нему Пекина (хотя американские военные будут продолжать на этом настаивать).

Именно имидж ответственного деятеля поможет Байдену ответить рационально, в соответствии с ожиданиями европейцев, на вызовы ситуации в сфере европейской безопасности, а именно о размещении ракет средней и меньшей дальности наземного базирования в Европе и отказе от постоянного дислоцирования боевых частей бригадного уровня в восточноевропейских членах НАТО. Последнее похоронило бы всю сложившуюся структуру наших официальных отношений с НАТО, закрепленную в Основополагающем акте 1997 года и Римской декларации 2002 года, учредившей Совет Россия-НАТО/СРН. Очевидно, что не приходится ждать резких движений со стороны Байдена на европейском направлении: он должен вести себя как анти-Трамп. Другое дело, постсоветское пространство, особенно украинские дела, в которые он был вовлечен лично при Б.Обаме.

Байден, как и многие в Демпартии, выступают против метода гидроразрыва пластов при добыче сланцевых нефти и газа, что обещает конфликт с энергетической отраслью США (или же с собственным электоратом), что вряд ли снизит давление на немцев по Северному потоку-2. В целом же трудно предположить, что победа Байдена сможет придать «второе дыхание» уставшим европейским элитам, у которых свои проблемы с протестным электоратом. Тем более, они не будут осложнять свое положение внешнеполитическим экстремизмом на российском направлении, который уже ассоциируется

с Трампом. К тому же санкционное давление на нас достигло допустимых пределов: дальше оно будет оказывать разрушительное воздействие на самую контролируемую США валютно-финансовую систему и, скорее всего, будет вызывать возражения европейских союзников

Третье. Нет нужды изобретать позитивную повестку дня в нашем международном сотрудничестве с США/ЕС: это борьба с коронавирусом и терроризмом, изменение климата. Байден уже обещал вернуться в ВОЗ и Парижское соглашение по климату. Байден, не рискуя выглядеть «клоном Трампа», перейдет на более мягкую позицию по Ирану (СВПД по его ядерной программе), Кубе и Венесуэле. Этого более чем достаточно для того, чтобы нам было о чем говорить: а именно взаимодействие и его видимый характер нужны миру, в том числе в глазах западного и международного общественного мнения. В целом нашим интересам отвечало бы возвращение США в лоно международно-правового порядка с центральной ролью ООН: тут мы сходимся с ЕС. Трамп напугал союзников своим радикализмом, и всем хотелось бы вернуться к нормальности, чтобы «все было по-старому».

Четвертое. В принципе важно исходить из того, что до завершения трансформации Запада, включая США, его нормализации в соответствии с требованиями эпохи после окончания холодной войны, то есть отказа элит от идеологических предрассудков прошлого и признание ими приоритетности проблем собственного развития, вряд ли смогут по-настоящему нормализоваться и наши с ним отношения. О многом позволят судить выборы в ФРГ в сентябре 2021 года и Франции в апреле 2022 года. А там не за горами (ноябрь 2022 года) будут и промежуточные выборы в Конгресс США, которые протестируют

администрацию Байдена: энтузиазм их электората скорее всего поубавится, а стремление белой консервативной Америки взять реванш за выборы 2020 года вряд ли ослабнет. В конце концов, у американских элит проблема не с Трампом, а с его электоратом, который не собирается эмигрировать. Отношения с ЕС могут подождать на нынешнем «нулевом» уровне, благо что нам будет о чем говорить с Брюсселем и ведущими западноевропейскими столицами по вопросам более широкой, глобальной повестки дня.

Не следует забывать и про Брекзит. Байден называл Б.Джонсона «физическим и эмоциональным клоном Трампа», он и Н.Пелоси заявляли, что не пропустят через Конгресс любое двустороннее торговое соглашение с Великобританией, если Лондон отойдет от своих обязательств по уже действующему Соглашению о выходе из ЕС в части режима сухопутной границы с Ирландией (которая остается в ЕС), что имело бы негативные последствия для североирландского урегулирования. У Байдена ирландские и католические корни, и он любит себя сравнивать с Дж.Кеннеди.

Пятое. Как бы ни пытались западные наблюдатели закамouflировать этот факт, выигрыш Байдена объективно отвечает интересам Китая, который выходит из-под пресса тотального противостояния с США и выигрывает время для переориентации собственного экономического развития на внутренний спрос (в рамках концепции так называемой «двойной циркуляции»), а заодно и для укрепления своих инвестиционных и технологических позиций в западных странах. Это «работало» бы на укрепление многополярности и дальнейшее ослабление исторического Запада.

Шестое. За 4 года президентства Трампа мир успел серьезно измениться, что признает сам Байден. Непоправимо подорвано доверие к Америке: раскол американского общества никуда не ушел, и от американцев надо ожидать новых сюрпризов, в любом случае на них уже нельзя положиться, как прежде. Это укрепляло тенденцию к регионализации глобальной политики, то есть к росту влияния региональных держав и тенденции к поиску региональных ответов на региональные проблемы и конфликты, которые еще до недавнего времени были предметом геополитической конкуренции ведущих мировых держав. Нигде это не сказалось столь существенно, как на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Так, уже после американских выборов было подписано соглашение о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства с участием КНР и региональных союзников США.

Пример такой регионализации дают сами западники: Брекзит и перспектива укрепления «особых отношений» между Лондоном и Вашингтоном, отношения США со «старой» и «новой» Европой, Вышеградская четверка, альянс Венгрии и Польши за «свои ценности» в ЕС, то же «белорусское предприятие» Варшавы и Вильнюса. Наверное, заслуживает переосмысления под этим углом, или, как минимум, обзора, весь комплекс наших отношений со странами СНГ по регионам – европейскому, закавказскому и центральноазиатскому. Не вызывает сомнений верность нашей линии на евразийскую интеграцию, включая ШОС, «тройку» с Китаем и Индией, ОДКБ и Московский процесс по Афганистану, комплекс отношений со странами АСЕАН.

Седьмое. То, как ведущие IT-компании (Twitter, Facebook и Google), по которым буквально «плачет» антитрестовское законодательство, подвергают цензуре Трампа и его сторонников, дает мощные аргументы в пользу суверенизации Интернета и соответствующего международного сотрудничества. Причем в ЕС уже ими занимаются, не оставят их в покое и республиканцы. В любом случае налицо попытка истеблишмента с помощью корпоративной цензуры поставить под контроль социальные сети, учитывая «уроки» Трампа, который смог напрямую, в обход традиционных СМИ, общаться со своим электоратом. В итоге, свободу слова американцам обеспечивают такие платформы, как китайская Тик Ток и мессенджер Телеграм, что крайне символично для качественно нового состояния мира.

В целом, смена администрации в США создает повод для своевременной «тонкой настройки» всего комплекса вопросов нашей внешнеполитической работы с позиций не только большей уверенности в собственных силах, но и большей ясности – в том числе для всех остальных игроков – перспективных трендов мирового развития, глобальной и региональной политики. Речь идет в том числе и об «умной» (smart) реализации в мировых делах наших достижений последних двух десятилетий. Это отвечало бы и интересам нашего внутреннего развития, которое служит конечным внешнеполитическим ресурсом любого государства. Такая настройка/обновление в соответствии с требованиями времени неизбежно затрагивала бы вопросы стратегического планирования и мобилизационной готовности, что наиболее ярко проявилось в связи с пандемией коронавируса.

